

Е.Ю. ПРОТАСОВА
(Хельсинкский университет,
г. Хельсинки, Финляндия)

УДК 81.161.1'373
ББК Ш141.12-3

ГЕРАНЬ ИЛИ ПЕЛАРГОНИЯ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ

Аннотация: Задачей настоящей статьи является показать, как россияне интерпретируют иностранные понятия, воспринимая влияние зарубежных культур в различные исторические периоды. Модернизация прежнего понятия «горшка на окне» как символа мещанства и мелкобуржуазности прослеживается через употребление названий традиционной русской герани и глобально распространенной пеларгонии в СМИ и художественной литературе.

Ключевые слова: герань, пеларгония, мещанство, быт, модернизация.

Никто не сомневается в символичности использования цветов и названий растений. Как показали, например, Вендина [1998] и Никитина [1993], одни и те же растения могут быть названы по-разному в разных областях России и отражать особое отношение к природе и действительности. К. Линней не различал виды растений *герань* (греч. журавлиный цветок) и *пеларгония* (греч. аистовый цветок). Рассматривая переводы с греческого на иные языки, можно заметить, что они временами путаются. Ш. Леритьер смог установить имеющиеся между растениями несходства еще в 1789 г., но отнес оба к семейству гераниевых. Первая способна зимовать в северных условиях, а вторая, родом из Южной Африки, хорошо переносит засуху и жару. Существует и собственно русские названия цветка: *калачики* и *журавельник*. Растение могут назвать диминутивом *геранька*; о соотношении имен этого растения неплохо сказала С. Сухова: *И у герани есть такое имя – Пеларгония, Но я прошу меня не укорять, – Всегда её геранькой буду звать*. Как в советском руководстве по уходу за цветами [Юхимчук 1964: 199-201], так и в современном переводном [Ван Дер Неер 2004: 61] пеларгония – основной вид, а герань не фигурирует. В 2010 САНПИН объяв-

ляет ядовитыми все виды пеларгонии, в скобках назвав ее геранью.

Сейчас трудно установить, какой именно вид рос на подоконниках городских домов в начале XX века, но обсуждение значения герани оказалось одним из аргументов в спорах о роли мещанских вкусов и идеалов в развитии России (ср. [Вихавайнен 2004]). А. Мариенгоф [2013: 559] комментирует это следующим образом: «Блестящий приват-доцент Московского университета /Шварц/ с вдохновенным цинизмом проповедовал апологию мещанства. В герани, канарейке и граммофоне видел счастливую будущность человечества. Когда вкусовые потребности одних возрастут до понимания необходимости розовенького цветочка на своем подоконнике, а изощренность других опростится до шелканья желтой птички, наступит золотой век».

В Национальном корпусе русского языка герань встречается в 112 документах (150 вхождений), но на поэтический корпус XIX в. ссылок мало. Первое по времени находим у В. Бенедиктова в 1857 г.: «И эта тощая герань полуживая, Держась позадь всего, меж кадок и корыт, Кольшется и, мне насмешливо кивая, «На дачу едем мы: прощайте!» – говорит». У К. Льдова (1899) это садовое растение, у И. Бунина (1908) – южное, у Б. Пастернака (1910) – растение у окна, а с 1911 г. у многих авторов ассоциируется с канарейкой и нередко сочетается со словами *бедный, простой, увядший, засохший, подоконник, занавеска*, реже с алым цветом. Блок в 1908 г. хочет опустить линиялую занавеску на свои большие герани, однако в 1912 г. направляет коня на алые герани, а те опасны, потому что за них и за алые уста можно продать Христа.

Кажется, герань действительно играла большую роль в сознании поэтов первой четверти прошлого века, это русский цветок, приросший к душе, символ России. Этот образ был увезен в эмиграцию. Так, Дон Аминадо [2006: 275] пишет: «Петр Потемкин, к великому огорчению друзей и почитателей, даже и улыбнуться не успел. Смерть унесла его рано, слишком рано, и на могилу его мы принесли розовую герань, которую он так любил и так проникновенно воспел, как бы в ответ на вызов утверждая право на счастье, на подоконники, на герань за ситцевыми занавесками, на все то, что Бобрищев-Пушкин считал мещанским и

обреченным, а поэты и Дон Кихоты – обреченным, но человеческим. Впрочем, и то сказать, не так уж много было цветов герани на эмигрантских подоконниках, и ни уютom, ни избытком, ни обеспеченным пайком не могли похвастаться случайные жильцы шоферских мансард и захудалых меблирашек. Но был «Покрой и воля» и отдых на крапиве, как говорил Аверченко». Или у Саши Черного: «Рев войны, кумачовый пожар... Где былая, родная герань? Дом сгорел...»

Позже герань устойчиво ассоциировалась с простым бытом, например, с провинцией у Б. Корнилова («Провинциалка»), с котом у Л. Алексеевой («Я привыкла трястись в дороге...»), у Ю. Алешковского – снова с дачей (*...в чудесной комнатухе без единого окна, но воздух – прелесть и холодок, как летом на даче. Герань в горшочках. Васильки и ромашки в вазочке.* «Кенгур»), у Н. Болтянской – с поддержанием порядка (*Герань в окошке вовремя полей, Полы помой и не реви, старуха.* «Смешная зимняя промашка»), у В. Киктенко – с музыкой (*Цветы на подоконнике, Герани у окна, И пела в доме тоненько Вечерняя струна.* «Жестокий романс»). В редких случаях горшок именно с геранью считался знаком шпионской деятельности.

Новый виток политичности придали герани дискуссии начала 1990-х, например, у А. Терехова (1990): «Это постыдно, когда люди при встрече говорят не о себе, а о газетной грязи. Оставьте людям герань на окне, тихий вечер с семьей, огород, вечные книги, отдохновение от работы. Пусть они меньше ходят на выборы и собрания, пусть меньше смотрят, пусть больше живут». В. Ярошевский [1995] писал: «Радикалы не в чести у народа, уважающего пиво, пуховые перины, герань на подоконниках и вообще жизненный уют». Экономист Н. Шмелев [1995] мечтал о чистоте: «Чтобы была хорошая школа, хорошая больница, цветничок, чтобы на подоконнике стояла герань».

В защиту герани выступил драматург В. Розов [Сетюкова 1995]:

Вот вы заговорили о соседях. У некоторых людей мещанство, в частности, ассоциируется с цветами на подоконниках. Главным образом, с некоторыми сортами – фикус, к примеру. Между тем в энциклопедическом словаре застойного года издания вы представлены как строгий обличитель мещанства...

Да у молодых, да и у пожилых тоже, комнатные цветы – особенно герани – почему-то ассоциируются с мещанством. У меня герани вон на том дальнем окошке.

Нарочно спрятали?

Нет, зачем. Они всегда там стояли. Это место для гераней – белых, розовых, красных. Очень люблю герань и запах ее. Как цветок может быть признаком мещанства? Вот глупость! Я жалею, что не могу вам сейчас продемонстрировать, как они цветут. Чудесные цветы. Хорошие и домашние.

Пеларгония встречается в НКРЯ только в 9 документах (11 вхождений). Из писателей ее упоминает хорошо знавший ботанику Паустовский (1954): «Со всех сторон осторожно тикали часы, на окне цвела пеларгония, и часовщик, глядя в черную лупу, рассказывал мне местечковые новости». Однако большинству она была еще не знакома, например, в переводе «За десятью миллионами к Рыжему Опоссуму» Л. Буссенара говорится, что пеларгонии – экзотические цветы, похожие на георгины.

До 2000 г. в базе данных «Интегрум» пеларгония встречается редко. Когда начинается модернизация, объявляется, что россияне всегда знали пеларгонию, но неправильно ее называли: «А непременно деталь старорусского быта, позднее объявленная символом мещанства и дурного вкуса, бедная ГЕРАНЬ (она же ПЕЛАРГОНИЯ)?!» («Комсомольская правда», 2000). В 2005 г. по числу упоминаний пеларгония вдруг превосходит герань, хотя потом снова уступает ей место. Пеларгония оказывается благородным цветком, неверно воспринятым в России как мещанский: «Пеларгония долгое время считалась аристократическим растением, ее разводили в оранжереях богатых особняков» (<http://sfloret.com>). Оказывается, что пеларгония может стать символом современного дизайна, например, в восторженных впечатлениях от Норвегии: «Никаких грядок, буйная зелень, а среди всего этого «безобразия» – белый фаянсовый унитаз с пеларгониями» («Крестьянка», 2005). Соответственно, герань используют в интерьере модного ресторана, чтобы придать обстановке уют, показать атмосферу купеческого прошлого: «Герань в горшках, тихая музыка, уютные столики на двоих и вид на старую московскую улочку, на которой то и дело можно заметить что-нибудь замечательное» («Комсомольская Правда» 2005). Ха-

рактарно, что именно этого ждут от старой Москвы в Столешниках, воспетых В. Гиляровским, где и находится ресторан.

Наконец, современные поэты могут апеллировать именно к пеларгонии как символу нового времени, так сказать, к новой герани наших дней, к новому мещанству, которое уже не то «бедненькое», а «королевское» (так называется ряд сортов цветка): *Сиреневые звёздочки Укрылись в листьях зелени, Пушистые, как розочки, Романтикой овеяны. Изящные и хрупкие, Прелестно утончённые, Слежу за вами чутко я Цветочки пеларгонии*, или такое: *Пеларгоний цветистые заросли Шелестят в палисаде моём; /.../ Элегантный абрис пеларгонии Мне напомнил сплетение рук* (К. Годунова). Здесь, как и сто лет назад, формы цветов сравниваются с формами человеческого тела.

Развернутая метафора герани-пеларгонии встречается в повести Д. Смолева [2010]: по цвету это боль, которую ощущает герой в стоматологическом кабинете, когда ему выдергивают зуб, и кровь рядом с ним. Пациента раздражает, что бездушно алеющее на подоконнике растение не обращает на него внимания: «Так вот пеларгония цветет настолько гордо, что ее не колышет удручающее состояние болящих – ибо оно не ветер», из-за чего страдающий хочет превратиться в нее, чтобы ни на что не обращать внимания, нуждаться только в воде и солнце: «Хочу быть пеларгонией, ХОЧУ – БЫТЬ – ПЕЛАРГОНИЕЙ».

Целое собрание стихов о герани находится на сайте www.pelargonium.ru/node/119. Во введении к коллекции говорится: «герань – нежно любимый цветок, символ тепла и уюта, символ дома, где тебя всегда ждут. Не зря за геранью закрепилось название «бабушкин цветок». Одно время его считали олицетворением чего-то устаревшего. А сейчас «бабушкин» – значит родной, привычный, домашний...». Группа эпитетов связана с возрастом растения: немодная, стародавняя, старинная, прежняя, ушедшие года. Высказывается упрек в мещанском, неблагогородном происхождении. Устойчива группа ассоциаций: за окном зима / холодно / снег / мороз / буран / вьюга или ночь / тьма / мгла / пасмурно / облака / звезды, окно заиндевело, а в (старом / деревенском / деревянном / купеческом) доме / комнате / на окне / подоконнике алая герань – как лето, тепло. Снова упоми-

наются занавески и занавесочки. Жар, огонь, огоньки, пламя, свеча, лампада, золотая искра, рдеющая заря, закат, пылающие факелы, звезды Кремля – соотносятся с цветами, пышными цветочками, пятнами, шапками, кистями, лепестковыми туесками, рубиновой гранью, соцветиями, зонтиками с кулак, кровавыми шарами, огненными накрапами, а этапы цветения: зажигается, горит, полыхает, пылает. Как и женщина, герань не от гордости горит и сгорает напоказ (Т. Брыксина). Это сказочный, волшебный аленький цветочек, цветочек из детства, Божий цветок, почти святой. Обычно алая или красная, но иногда вдруг лиловая, (кроваво-)красная, (снежно-)белая, (ярко-)розовая, малиновая. Это цветок безумный, буйный, неукротимый, горячий, яркий, самозабвенный, огромный, слегка кокетливый, милый, нежный, любимейший, но в то же время цветущий круглый год, безотказный, смиренный, простой, простенький, обыденный, неприхотливый (ему достаточно солнышка и влаги), спокойно-ясный, чистый, застенчивый, простодушный, неказистый, домашний, достояние всех смертных, украшающий простую жизнь, место, где судьбой велено быть. Это спокойная простая девушка, исполненная страсти. Многие называют герань красавицей, необычно красивой, имеющей круглые листочки, зеленые ладошки листиков / зеленую ласковую / пушистую ладонь, одетой в зеленый ситцевый сарафан, шелковое платье или кудрявый бархат (а соцветия могут быть названы глазами, лепесток – перстеньком), но в то же время она хиреет, чахнет, краешки желтеют, становится кривой, тонкой, тоненькой, с мелкими ростками, засохшей, бледнолистой. С удовольствием перечисляют, где цветок растет (в подвалах, на чердаках, в кастрюльках, банках, вазонах, горшках). О благоухании герани обычно не говорят, скорее, не помнят, был ли у нее запах, но вдруг в памяти всплывает, что она пахучая и душистая, что у нее резкий запах, дурман, что она горькая. Некоторые упоминают, что она лечит раны, недуги / касается ран, дает надежду и силы жить, недаром она упоминается в военной поэзии как символ семьи и счастья.

О.Б. Кушлина [2001: 30] описывает, как появление экзотических комнатных растений, новые принципы оформления интерьеров и увлечение озеленением повлияли на поэзию Серебряного века. Она упоминает, что пеларгонии (герани) выставя-

лись на юбилейной российской выставке садоводства в 1908 г., что если бы в России вошло в обиход настоящее имя пеларгонии, то рифмы с ним и размер стихов были бы совсем другими [Кушлина 2001: 55-56]. Местом герани в XIX в. были кухня и комнаты прислуги [там же: 71-73]. Целая глава книги посвящена герани настоящей [там же: 222-238]. Здесь обсуждается П. Потемкин и его сборник стихов «Герань», где о цветке не говорилось, но разделы книги назывались «Женина герань» (по имени жены автора), а также «Герань стыдливая / мишурная / печальная / персидская / в цвету», т.е. как бы новыми сортами растения, которые Кушлина, однако, скорее связывает с названиями родов войск императрицы Герани.

На цветоводческих и женских форумах (например, flowersweb.info, gardenia.ru, zhenskoe-mnenie.ru) сообщается, что пеларгонию, в отличие от герани, выращивают не на подоконнике, а на балконе. Описываются разнообразные сорта растений (например, пеларгонии бывают зональные (садовые); плющелистные (ампельные); английские крупноцветные (королевские или домашние); пестролистные; душистые; суккулентные), сообщается, как ухаживать за растениями, раскрываются особые секреты выращивания, перечисляются ошибки, ведущие к неправильному внешнему виду (желтеющие нижние листья, покраснение краев листьев, потемнения основания стебля, оголенные стебли, опадение нижних листьев, водянистые мягкие подушечки на листьях, серая плесень, отсутствие цветков). Непременно рассказывается история цветка, передаются приметы и поверья, сообщается о применении в народной медицине.

На форуме Клуба любителей пеларгоний (www.pelargonium-club.ru/forum/index.php?act=Print&client=printer&f=9&t=335) употреблять слово «герань» запрещено. Здесь в 2009 г. коллекционировали стихи об этом цветке, и табу пришлось нарушить, т.к. о пеларгониях писали редко, а о геранях часто. Модератор *tatiana* собрала много частушек и стихов, отмечая, что В. Маяковский, как и другие авангардисты, осуждал обывательство, написав: *Запели птицы на каждой на жердочке, герани в ноздри лезут из кадочек* («Про это», 1923), а в 1960 Л. Бондаревский осуждает стиль барачной жизни, украшающий стену ковриком с лебедями неестественных оттенков, а вторым пережитком явля-

ется никуда не исчезающая герань: *О, украшение барака! О, утешенье бедноты! О, рахитичные цветы, Как вы выносливы, однако! В любом окне, куда ни глянь, Цветёт упорная герань.* Пользователь Florinata комментирует: «затейница Вы какая! Только в наше время увлечения не для бедноты...»

Если взять по Яндексю частоту запросов за один месяц, то «герань» вызывают более 70 тысяч раз, а «пеларгонию» более 40 тысяч раз. Судя по совместным вызовам, многие люди хотят все-таки наконец-то разобраться в том, какая разница между этими наименованиями. Сегодня оба вида цветов часто встречаются в текстах рядом, некоторые авторы смешивают их, иные именуют герань домашней пеларгонией или наоборот. Знание второго имени является признаком продвинутости, модернизированности, глобальности, в то время как герань по-прежнему связана с неторопливым провинциальным бытом, раздражающим красным цветом, формирующимся средним классом, которому хочется русскости.

Свободно растущие в России герань луговая и герань лесная так и не привлекли к себе особого внимания (некоторые, правда, упоминают о сиреневых тонах лесной и васильково-небесных или синих луговой), хотя в иных странах считаются почетным старинным садовым растением. Цветовод пишет об этом: «Герани – знакомые всем с детства полевые, исконно русские цветы. Они растут практически везде: вдоль шоссе-ных трасс и пыльных деревенских дорог, по берегам рек и ручьев, покрывают своим лиловым кружевом окрестные поля», но тут же спохватывается: «Многие считают герань золушкой и скромницей, мягко оттеняющей другие великолепные растения. Не могу с этим согласиться. Для герани, как впрочем, для любого ландшафтного растения в стиле кантри, необходимо правильно и удачно найти место в саду, тогда проявятся все королевские качества этого прелестного растения» (Долгополова), т.е. русский деревенский стиль по-прежнему незаметен, а важен стиль «кантри», как бы англо-американский сельский.

Герань в каком-то смысле как феникс: зимой почти мертва, весна возвращается, и вместе с ней она разрастается пуше прежнего. Во многих стихах, естественно, соседствуют раны и рань и герань, но обычно смысл в том, что есть что-то тревожное, дур-

ное, опасное, от чего цветок спасет. Наиболее типичны метафора прошлой жизни (удаленной от автора, как его собственное детство, какая-то древняя жизнь), метафора простоты, в которой скрыта волшебная сила, что роднит ее с русской душой, метафора тепла, жара, огня, противостоящего холоду и темноте, метафора красивой простоты, похожей на нежную девушку или честную женщину. Иногда герань зажигает огонь и дает негасимый свет, а иногда горит сама. Ей придается значение хранильницы дома, жизни, уклада, душевного покоя, дающей силы. Амбивалентность герани в том, что она бывает пышной и дурнушкой, полезной и аллергенной, простой и богатой, обыденной и редкостной, но при этом всегда родная. Узость, ограниченность взаимосвязанных смыслов практически исключает какие бы то ни было оригинальные варианты использования названия, художественная мысль топчется на месте, перемалывает одни и те же образы.

Никаких ассоциаций, кроме особого благородного происхождения, у пеларгонии нет, поэтому она открыта будущему. Это довольно типичная ситуация, когда заимствованное слово вытесняет из употребления прежнее, придавая ему новые значения (ср. [Mustajoki, Protassova 2012]). Кажется, что людям внушается, что прежнюю жизнь нужно отбросить вместе со всеми ассоциациями, тогда они смогут стать современными гражданами модернизированного общества.

ЛИТЕРАТУРА

Ван Дер Неер Я. Все самые популярные комнатные растения. – СПб., 2004.

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1998.

Вихавайнен Т. Внутренний враг. Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. – СПб., 2004.

Долгополова И. Очаровательные растения, которые могут стать солистами ваших цветников // www.floraprice.ru

Дон Аминадо. Поезд на третьем пути. – М., 2006.

Кушлина О.Б. Страстоцвет, или Петербургские подоконники. – СПб., 2001.

Мариенгоф А. Роман без вранья // Собрание сочинений в трех томах. Т. II. – М., 2013. – С. 501-630.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993.

Сетюкова М. Виктор Розов: «Как цветок может быть признаком мещанства?!» // Огонек, 1995. – № 27.

Юхимчук Д.Ф. Цветы. – Киев, 1964.

Mustajoki A., Protassova E. Russification of Western concepts: political will and crisis in a Russian way // Alapuro R., Mustajoki A., Pesonen P. Understanding Russianness. – New York, 2012. – Pp. 32-52.

© Протасова Е.Ю., 2014